

ВАСИЛИЙ АВЕНАРИУС

НА ПАРИЖ

Василий Авенариус

На Париж

«Public Domain»

1914

Авенариус В. П.

На Париж / В. П. Авенариус — «Public Domain», 1914

«В прошлом году мне посчастливилось найти у букиниста рукопись очевидца Отечественной войны 1812 г., которая затем и была выпущена в свет под заглавием: „Среди врагов“. На ловца и зверь бежит. Вскоре мне были присланы из провинции еще две рукописные тетради при следующем письме...»

Содержание

Предисловие	5
Первая тетрадь	6
Глава первая	6
Глава вторая	12
Глава третья	19
Глава четвертая	23
Глава пятая	30
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Василий Авенариус
На Париж
Дневник юноши, участника
кампании 1813–1814 гг.

Предисловие

В прошлом году мне посчастливилось найти у букиниста рукопись очевидца Отечественной войны 1812 г., которая затем и была выпущена в свет под заглавием: «Среди врагов». На ловца и зверь бежит. Вскоре мне были присланы из провинции еще две рукописные тетради при следующем письме:

«Милостивый Государь. Имени и отчества, простите, не знаю. А пишу я к вам во исполнение последней воли благодетельницы моей, Серафимы Матвеевны Пруденской. А препоручила она мне на смертном одре своем переслать вам, Милостивый Государь, дневник ее покойного деда, отставного полковника, Андрея Серапионовича Пруденского, о коем одна книжка вами уже напечатана. А напечатали бы вы тоже и сей дневник, буде можно, ради памяти незабвенного ее деда. А за сим прощения прошу за беспокойство. Неизвестная вам Таисия Жукова.»

Обе присланные тетради оказались писанными тою же рукою, что и рукопись 1812 года. По содержанию своему они представляют прямое ее продолжение, передавая последовательно главнейшие события кампании 1813–14 гг. и личные переживания самого писавшего. Со своей стороны я позволил себе сделать с этим дневником только то, что и с первым: несущественное сократил, орфографию исправил и, разделив дневник на главы, в заголовке каждой главы указал ее содержание.

Октябрь 1912 г.

В.А.

Первая тетрадь 1813 г.

Глава первая

Святочные гадания. – Суженый-ряженный и всякие ряженые

* * *

Толбуховка, января 6. Сегодня, ко дню своего Ангела, новую тетрадь для дневника получил и сегодня же ее обновляю; а почему – о том сказ впереди.

Под Новый год Толбухины ожидали из Петербурга Дмитрия Кирилловича Шмелева при обратном проезде его в действующую армию; свадьба его с Варварой Аристарховной должна была ведь совершиться сейчас, после Крещения. Ан, заместо него – письмо: задержали-де в Петербурге, и свадьбу придется до времени отложить.

Невеста, понятно, носик повесила. Родители, чтобы немножко ее рассеять, за Иришей Елеонской послали. Толбухины хоть и старого дворянского рода, но, надо честь отдать, и разночинцев не чуждаются. Матушку мою, вдову безвестного диакона, после пожара у себя прирели, во флигеле даровую ей квартирку отвели, провизией снабжают, а мне, сынку ее непутевому, бурсаку отпетому, место конторщика у себя предоставили. Приду с отчетом – Аристарх Петрович руку мне подает. Ну, а с дочкой о. Матвея, Иришей, Варвара Аристарховна совсем, можно сказать, подружилась, хотя та еще в коротком платьице ходит, да две косы аршинные на спине болтаются. Отроковица не по возрасту умненькая, да и превострая; пальца в рот не кладет. И на сей раз недаром ее позвали: святочные гаданья затеяла.

Мне бы и невдомек: за конторскими счетами до полночи засиделся, к Новому году последние счета сводил. Вдруг за окошком молодые голоса женские. И пришла мне тут на память Жуковского «Светлана»:

Раз в Крещенский вечерок
Девушки гадали:
За ворота башмачок,
Сняв с ноги, бросали...

А что, право, не пойти ли, подсмотреть?

Схватил с гвоздя шапку и – на двор. Но опоздал: со смехом всей гурьбой они на крыльцо уже взбежали и дверь захлопнули.

Однако ж в гостиной свет. Не станут ли еще как-нибудь гадать?

Подошел к окошку. Стекла хоть и обледенели, но меж ледяных узоров все же видно. Так ведь и есть: все в кружок стали; горничная Луша перед каждой на пол что-то горстью сыплет: потом приносит петуха, на пол спускает и сама тоже в кружок становится. Ну, известное дело: у которой он раньше клевать станет, той раньше и под венец идти. Спинами только петуха от меня заслонили, не видать хорошенько. Но все разом как расхохочутся, а Ириша громче всех и от радости прыгает, в ладошки бьет: ей, стало, замуж выходить! Ну скажите, пожалуйста, где тот добрый молодец, что на такую невесту-пиголицу позарится?

А вот еще за новое принимаются: два зеркала, побольше и поменьше – одно против другого на стол ставят, по бокам две свечи зажигают. Варваре Аристарховне заглянуть в зеркало

предлагают; но она отказывается. И то ведь, для чего ей, когда и так свадьба на днях? Тогда Ириша перед зеркалами садится и всех вон высылает.

Вышли, дверь за собой притворили, и остается она одна-одинешенька перед зеркалами меж двух горящих свечей. То-то, чай, сердечко тук-тук-тук!

В это время кто-то на крыльцо выходит. Отскочил я от окошка – и к себе во флигель. А с крыльца за мной вдогонку Луша:

– Это вы, Андрей Серапионыч?

– Я. А что?

– Барышня зовет вас.

– Да что ей от меня?

– Почему я знаю. Идите же поскорей! Варвара Аристарховна уже в прихожей.

– Здравствуй, – говорит, – Андрюша. Вот примерь-ка.

И подает мне военный кивер.

– Да для чего? – говорю.

– Ч-ш-ш! Не кричи. Это старый кивер Дмитрия Кириллыча. Ну что, в пору?

– В пору.

– Я пропущу тебя в гостиную. Там сидит Ириша Елеонская и глядит в зеркало. Ты войди на цыпочках, ей через плечо загляни туда же и сейчас назад. Понял?

– Понял, Варвара Аристарховна. Но Ирина Матвеевна испугается...

– Не твое дело.

Отворила дверь тихонечко, в гостиную меня толкнула. А Ириша, ничего не чая, сидит себе меж двух свечей, глядит в зеркало неотступно, не шелохнется. Подкрался я к ней, как тать в ночи; слышу, как вполголоса шепчет:

– Суженый-ряженный! Явись, покажись... Наклонился я тут ей через плечо, и узрела она меня в зеркале. Как взвизгнет благим матом:

– Чур меня!

Суженый-ряженный! Явись, покажись...

Обеими ручками личико закрыла. Я же на цыпочках опять в прихожую, снял кивер и домой без оглядки.

Долго не мог в ту ночь заснуть. Шутка шуткой, но всему есть мера. Ведь ее наверно потом на смех еще подняли, а больше всех в том все же я виноват.

В Новый год видел ее у обедни, но только издали. Молилась она истово и ни разу кругом не оглянулась.

2-го числа иду к Аристарху Петровичу со своими счетами. Просмотрел он их, потом и говорит:

- Да, вот что еще: послезавтра ввечеру ряженные у нас будут.
- Дворовые? – спрашиваю.
- Дворовые своим чередом; но будут и приезжие. Для Варюши нашей сюрприз.
- Уж не Дмитрий ли Кириллыч пожалует?
- Угадал, брат. Только чур, никому пока об этом ни слова. Приедет он с одним приятелем.

А чтобы их не так легко распознали, ты тоже перерядись и войди вместе с ними. Как тебе нарядиться – потолкуй уж с Мушероном: ему, как французу, и книги в руки.

Пошел я к Мушерону. Бравый сержант мой с самой Березины как обмененный. От Наполеона своего хоть и отрекся, а все по нем втайне тоскует. Обязанности дядьки у Пети Толбухина исполняет по совести; по-французски говорить с собою заставляет; а того охотней еще со мной беседует, да все про гибель родной своей «великой армии».

Как узнал, что мне требуется, – ни минуты не задумался.

– Полишинелем, – говорит, – тебя обрядим; и просто, и потешно.

– А по-нашему, – говорю, – и дешево, и сердито. На том и порешили. Мушерон в молодые годы у портного в подмастерьях служил; не токмо иглой владеет, а и кроить мастер. В два дня из меня такое чучело соорудил, что хоть в балаган: сзади горб, спереди горб, на макушке – белый колпак с красной кисточкой; из черной тафты полумаска, а из папки носище крючком наподобие птичьего клюва. Сам сержант мой, любуясь на дело рук своих, ухмыльнулся, а матушка, как увидела меня, так только отплюнулась и перекрестилась. Зато хохотунья Ирише, чай, немалое веселие доставлю.

– А что, мосье Мушерон, – говорю, – мадемуазель Ирэн тоже к маскараду готовится?

– Не до маскарада ей! – говорит.

– Что так?

– Да еще давеча мадемуазель Барб за ней посылала, а от нее ответ: простудилась, лежит, головы с подушки поднять не может.

Жалко бедняжку! И без нее все как будто не то...

Вот и вечер; стемнело. Обрядился я полишинелем. Тут бубенцы за воротами. Выбегаю на двор. В калитку уже входят приезжие – не двое, а трое, идут к заднему крыльцу. Я – за ними. В прихожей встречает Луша.

– Сюда, господа, сюда!

И провела нас в девичью. Там вся святочная компания дворовых уже в сборе: и поводырь с медведем, и журавль, и петух индейский, и баба-яга с помелом, и старик с пеньковой бородой в пеньковом парике, мукой посыпанном.

Луша из девичьей их выпроваживает:

– Идите же в гостиную, потешайте господ.

Я остался с приезжими. Те снимают верхнее платье. Разодеты на загляденье: один боярином, другой опричником, а третья особа – женского пола – боярышней. Все трое в черных полумасках; но в боярине по фигуре я тотчас Шмелева признал. Подхожу с поклоном:

– С приездом, Дмитрий Кириллыч!

– А со мной не поздороваетесь? – говорит боярышня.

Тут я и ее по голосу узнал.

– Ирина Матвеевна! Так вы вовсе, значит, и больны не были?

– Я никогда не болею. Дмитрий Кириллыч у нас же ведь остановился, чтобы Варвара Аристарховна не догадалась.

– И наряд этот сами себе смастерили?

– Куда уж мне! Не такая мастерица. Дмитрий Кириллыч из Петербурга привез, в театре напрокат взял; отсюда назад отошлет.

Тут Луша вернулась:

– Пожалуйте, господа!

Раскрыла нам дверь в гостиную. На диване старики Тобухины восседают с моей матушкой; по сторонам в креслах – Варвара Аристарховна с братцем. Поводырь же, выведя на середину комнаты медведя (конюха Филатку в вывороченном наизнанку тулупе), разные штуки выделявать его заставляет:

– А ну-ка, Мишенька, покажи господам, как малые ребята горох воруют... Как красные девицы белятся, румянятся и в зеркальце глядятся...

Но музыкант дворовый, кучер Флегонт, окончания комедии не дождавшись, на гармонике «Как у наших да у ворот» заводит – и медведь в пляс пускается, на цепи поводыря за собою тащит, а за ними и вся компания увязалась. Прыгают, кружатся, толкаются, ножки друг дружке подставляют.

Тут и я летом вперед вылетел, колесом пошел и господам на диване земной поклон отдал. А Петя-шалун только того и ждал: скок мне на спину; и повалились мы оба – я ничком, а он кубарем через меня. На сем моя роль и закончилась.

На пороге опричник показался, за ним молодой боярин об руку с боярышней, а опричник перед ними метлой своей дорожку выметает.

Аристарх Петрович на диване лукаво усмехается, старушки шушукаются, а Варвара Аристарховна словно остолбенела, глаз с гостей не сводит.

Но вот опричник за фортепиано садится, заиграл «русскую» – и поплыла лебедью боярышня, плечами поводит, платочком машет-прикрывается, ручкой боярина манит, а он, бока подперши, гоголем кругом ее обхаживает, да вдруг как ударит в ладоши, каблуками приотпнет, ухнет, гикнет – и пошел вприсядку.

Но доплясать им тоже не пришлось. Варвара Аристарховна с кресла к боярину подлетела и маску ему с лица сорвала.

– Митя мой!

Да на шею к нему. Целуются-милуются...

– А про нас, Дмитрий Кириллыч, вы и забыли? – говорит Аристарх Петрович.

Пошел он к ним. Подозвал и опричника, знакомит:

– Позвольте представить вам моего спутника: юнкер Семен Григорьевич Сагайдачный.

Тот снял тоже маску: совсем еще молоденький, не старше меня; усики едва пробиваются, но глаза с хитрецей, вкрадчивые, так в душу тебе и заглядывают.

– Сагайдачный? – переспросил Аристарх Петрович. – В Запорожской Сечи, сколько помнится, был знаменитый кошевой атаман Сагайдачный?

– Родоначальник мой, – говорит юнкер. – А по женской линии я племянником довожусь министру графу Разумовскому.

– Алексею Кириллычу? О! Родным племянником?

– Не то чтобы родным, а так... в третьем колене. Однако, простите: я заставляю ждать танцоров.

И уселся опять за фортепиано, командует по-военному:

– Стройся: кадрили!

Шмелев за ручку на сей раз уже не свою боярышню берет, а невесту.

– А кто же, – говорит, – будет нашим визави?

– Ириша. Кавалера себе она пусть сама выберет. Ириша озирается на «кавалеров» и подходит к Аристарху Петровичу:

– Позвольте просить вас...

– Нет уж, – говорит он, – мои годы прошли. Тогда она с внезапной решимостью ко мне:

– Пойдемте, Андрей Серапионыч.

Я тоже было на попятный: никогда-де танцевать не учился...

– Ничего, – говорит, – я вас научу. Только снимите, пожалуйста, ваш противный нос!

– А вы вашу маску.

Так, в своем всегдашнем уже обличье, мы рука об руку стали против жениха и невесты.

Господи Боже Ты мой, что это была за кадриль! Я без конца путал, а она меня пресерьезно наставляла.

Да и как было не путать? Танцевала ведь со мной боярышня в древнерусском опашне, в венце жемчужном в виде терема в три яруса; а из-под венца на меня две яркие звездочки сияли...

– Знаете ли что, Ирина Матвеевна?... – говорю я ей.

– Что?

– Вы теперь как будто... не знаю уж, как сказать...

– Выше ростом. Это оттого, что не в коротком платье.

– Нет, не то... В этом пышном наряде вы и лицом вдвое пригожей, как есть писаная красавица.

Вспыхнула и глазками блеснула.

– Вы думаете, что мне всего пятнадцать лет, так можете мне всякие глупости говорить!

– Простите, но видит Бог...

– Прощаю. Годами вы хоть и на три года меня старше, а все еще мальчик.

– Мальчик, да инвалид: кровь за отечество проливал.

– А плечо у вас разве еще не зажило?

– Зажило; даже в дурную погоду не ноет.

– Вот видите. А по вашему дневнику можно было думать, что вы на смерть ранены.

– Так Варвара Аристарховна показывала вам мой дневник?

– Да, мы его вместе читали и...

– И смеялись?

– Нет, горячими слезами обливались! Чтобы вам, право, писать опять дневник? Я очень люблю посмеяться.

Невеличка птичка, а ноготок востер! На этом кадриль кончилась, да и разговор наш с Пришей. Подали сласти; дворовых тоже пряниками и орехами оделили.

Но свеча почти догорела, а вот и часы бьют, – три часа ночи! Остальное уже завтра.

Глава вторая

Кто подарил дневник. – Про Наполеона, Александра I, Кутузова и графа Дмитриева-Мамонова. – Кандидат в «мамоновцы-мамаевцы»

* * *

Января 7. Продолжаю. Вчера, в день своих именин, только что встал, налил себе чаю (маменька в кухне именинный пирог готовила), как откуда ни возьмись босоногая девчонка.

– Велели передать.

И подает мне пакетец.

– Да ты от кого?

– Не велено говорить. И шмыг за дверь.

Развернул: увесистая тетрадь. Перелистываю: одни белые страницы. Но на первой надписи печатными литерами (дабы почерком своим, значит, себя не выдать):

Дневник А.С. Пруденского

Ириша! Ясное дело. Иду в кухню.

– Вы, маменька, кого на пирог позвали?

– Да всех Толбухиных с гостями.

– А Елеонских?

– Пока-то нет. Думала: нынче на водосвятии поспею. Да вот с пирогом, вишь, замешкалась...

– Так я, маменька, буду на Иордани, скажу им. Хорошо?

– Скажи, милый, скажи.

И вот, на Иордани, когда молебствие отошло, я – к о. Матвею:

– Так и так, батюшка: не пожалеете ли к нам на именинный пирог?

– Спасибо, дружок, благодарствую. Ну а матушка-попадья моя на ломоту свою опять жалуется.

– А Ирина Матвеевна?

– С нею ты лучше сам уж поговори. У нее нынче семь пятниц на неделе.

Побежал я, нагнал ее, приветствую.

– Здравствуйте, – говорит, а сама шагу прибавляет.

– Да куда вы так торопитесь? – говорю. – Я хотел просить вас тоже на именинный пирог...

– А кто у вас именинник?

И глядит на меня, лукавица, так невинно-вопросительно, что меня снова сомнение взяло.

– Именинник – я сам, – говорю. – А вы разве не знали?

– Откуда мне знать? Мало ли Андреев в святцах? А у самой раскрасневшиеся от мороза уши и щеки еще ярче зарумянились.

– Какая-то добрая душа, – говорю, – презент мне сделала – тетрадь для дневника.

– Вот как? Очень рада. А на пирог родителей моих вы пригласили?

– Пригласил. Батюшка ваш обещал быть.

– Так и я с ним буду.

Пирог матушка испекла на славу. Все похваливали; а кто и от второго куска не отказался. Пирог, как полагается, чаем запили; за чаем разговорились.

– Так дело, значит, решенное, – говорит Аристарх Петрович: – наши войска границу переходят?

– Первого числа должны были быть уже за Неманом, – говорит на это Шмелев.

А о. Матвей со вздохом:

– Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его! Мало крови еще на родной нашей ниве пролито; надо, вишь, и чужие обагрить!

– Простите, батюшка: это все равно, что кровопускание тяжкобольному: вовремя не пустить ему крови, так не выживет.

– Да кто, по-твоему, сын мой, тот тяжкобольной? Что-то в толк не возьму.

– А как же, весь Запад Европы. Под игом ненавистного завоевателя все народы там стоном стонут. На престолы Италии, Испании, Вестфалии свою родню он понасажал, и слушаются они его слепо во всем, как Великого Могола. Швейцарский союз дань платить себе заставил. Из немецких монархов один лишь тесть его, император австрийский, не подпал под его тяжелую руку и обеспечил себя дружеским договором. Прусский король еще кое-как выворачивается, но с опаской и оглядкой. Остальные же германские короли и герцоги перед злодеем пикнуть не смеют; что прикажет, то и делают.

Тут и я смелость взял, от себя добавил:

– Ведь и к нам, в Россию в прошлую кампанию сколько этих саксонцев и баварцев, виртембержцев и баденцев нагнал! И все-то почти, по его милости, костями у нас полегли.

– Все это так, – говорит Аристарх Петрович. – Но из всего полумиллионного полчища Наполеонова через Березину сколько уплелось? Едва ли десятая часть, да и та в самом жалком виде. Чего же еще?

– Извините, Аристарх Петрович! – загорячился Шмелев. – Кровожадного дикого зверя до конца добивают. А Наполеон далеко не добит. Крепости от Варшавы до Рейна еще в его руках; пасынок его, вице-король итальянский, весь остаток «великой армии» собирает в Позене: сам он вызывает из Франции свои запасные войска, ускоренно набирает новых рекрутов; а союзники его, австрийцы, под начальством князя Шварценберга, его же креатуры, целым корпусом двинулись к нашей границе. На кого же они, скажите, ополчаются?

– Ну, к нам-то, в Россию, вряд ли опять сунутся, – возразил Аристарх Петрович, – чересчур обожглись. А видит он, что обаяние его на другие народы прошло...

– И хочет наложить на них прежний гнет? Неужели же нам, русским, спокойно это снести? У соседа горит, а мы будем смотреть, сложа руки: наша хата с краю? Нет, уж извините, этому не бывать!

Тут и юнкер Сагайдачный свое слово вернул:

– Из Наполеоновых лавров, пока не совсем увяли, хоть листочек себе тоже урвем.

– Ох, молодость, молодость! – говорит о. Матвей. – Вас, юношей, за пыл ваш не осуждаю; ристалище отличий и мужей степенных соблазняет. Но светлейшему князю Кутузову, преславному фельдмаршалу всероссийскому, признаться, дивлюсь: ведь одной ногой в гробу уж стоит, а туда же!

– Сам-то Кутузов, пожалуй, и раздумал бы еще воевать, – говорит Шмелев. – Приятель его, государственный секретарь Шишков убеждал его, что Россия наша от неприятельского нашествия и так уже много пострадала, что сперва надо залечить собственные раны, а не приносить еще новые жертвы ради чужих нам людей...

– Ну вот, ну вот. Что же я-то говорю? А Кутузов что на это?

– Кутузов: «Правда твоя, – говорит, – поход этот сопряжен с немалыми пожертвованиями, с великою отважностью. Но государь смотрит на дело шире: и те чужие нам люди для него – братья во Христе, и он решил не покладывать оружия, доколе не освободит их». – «Да сам-то ты, князь, – говорит Шишков, – думаешь ведь иначе? Почему же ты не настоишь на своем перед государем? По твоему сану и твоим подвигам он уважил бы твои советы». А Кутузов на то: «Представлял я царю мои резоны, но он печется о благе не своего только народа, а всего человечества, и совсем опровергнуть его в этом пункте никакой логики не хватает. Да еще, признаться, ангельская доброта его меня обезоруживает: когда я привожу ему такие

доводы, против которых спорить невозможно, он, вместо всякого ответа, обнимет меня да поцелует. Тут я заплачу и во всем уже соглашусь с ним».

Рассказ Шмелева нас всех растрогал, даже Аристарха Петровича.

– На месте Кутузова, – говорит, – я тоже не устоял бы. Будь мое здоровье покрепче, я и сам, пожалуй, поехал бы в армию...

– Перестань, ради Бога, перестань! – жена его перебила. – И без тебя там довольно людей помоложе.

– Так за себя, папенька, меня пошлите! – вызвался Петя.

– И дядьку Мушерона с собой тебе дать, чтобы спать укладывал?

Петя губы надул.

– Точно я еще маленький!

– погоди годика три-четыре, – говорит Шмелев, – тогда тебя, быть может, и пустят со мной. Андрей Серапионыч – другое дело: порошу уже понюхал...

– И в Березине выкупался! – с задором Петя подхватил.

Все взоры тут на меня обратились, и мне неловко стало: сколько ведь таких же юношей русских идет спасать Европу от изверга рода человеческого, а я сижу себе дома за печкой...

– Да что ж, говорю, – я хоть сейчас готов идти опять...

Матушка мне договорить не дала.

– Ну, ну, ну! И думать не смей. Хорошо еще, что пуля в плечо, не в грудь угодила; то и жизни бы решился.

– Рука Всевышнего на сей раз пулю отвела, – говорит о. Матвей, – дабы матери ее сына-кормильца сохранить. Хоть умирать за отечество и отрадно: «Duke est pro patria mori», – сказал некогда еще язычник Гораций; но от судьбы своей никому не уйти: море житейское тоже подводных камней преисполнено...

– То-то вот и есть, – подхватил Шмелев. – Простите, Аристарх Петрович, что выскажусь прямо. Благодаря только вашей доброте, молодой человек имеет кусок хлеба. Будущности же у него никакой впереди. А на войне он может выдвинуться; плохой солдат, что не надеется стать – не говорю: генералом, а хотя бы майором...

Тут Петя руку к виску приложил и ногою шаркнул:

– Здравия желаем г-ну майору!

– Экой сорванец, прости Господи! – говорит о. Матвей. – *Sunt pueri pueri, pueri puerilia tractant.*

– А по-русски это что значит, батюшка? – спрашивает Петя.

– Вот латинист тебе переведет. Аль не дошел еще до сего в бурсе?

– Отчего, – говорю, – не перевести: «мальчики суть мальчики, и ведут себя по-мальчишески»...

– *Vene.*

Петя же не понимает: схватил с окна кивер Шмелева и – мне на голову.

– Вот и майор готов!

Премного все тому смеялись. Одна Ириша только, вижу, покраснела, как маков цвет, и очи в пол потупила. Вспомнила, знать, суженого-ряженого в зеркале...

Ну как же мне было в дневник, ею подаренный, всего этого не записать?

* * *

Января 8. Из Смоленска известие пришло, что наши войска в самый Новый год Неман перешли. Война, стало быть, уже не у нас разгорится, а по ту сторону границы, у поляков да немцев. Шмелев со свадьбой торопит; пробыть здесь он может ведь только четыре дня. У меня же искра в душу запала, мысль одна из головы не выходит...

И вот, нынче, когда Аристарх Петрович меня к себе в кабинет позвал, да поручил мне в Смоленск за шампанским съездить, откуда у меня смелость взялась, так прямо ему и брякнул:

– Аристарх Петрович! Отпустите меня с Дмитрием Кириллычем в армию.

Старик глаза на меня вытаращил.

– Что? Что? в армию? Да не он ли и подбил тебя?

– Нет, – говорю, – я от себя.

– Какая тебя блоха укусила! Ни с того, ни с сего...

– Да как же, когда все освобождать Западную Европу идут...

– Тебя одного там недостовало! Освободитель тоже нашелся! Как узнает Наполеон, так в тот же час пардону попросит.

А я все свое:

– Отпустите! Сделайте уж такую божескую милость! Пойду я ведь за вас и за вашего Петю...

– В майоры, а то и в генералы метишь? Ну да что ж, – говорит, – ты не крепостной у меня, а вольный человек; силой удержать тебя я не могу. Только сходи-ка за Дмитрием Кириллычем; сперва с ним пообсудим дело.

Сбегал я за Шмелевым.

– Так и так, – говорю. – Не выдайте меня, голубчик, поддержите!

– Хорошо, – говорит. – За мной дело не станет. Да что матушка ваша еще скажет?

– Ей, понятно, до поры до времени ни слова. Когда все устроится и поворота назад уже не будет, тогда и скажем.

Приходим к Аристарху Петровичу.

– Каков молодчик? – говорит он Шмелеву. – Что в голову себе забрал.

Но тот не выдал:

– А что ж, – говорит, – из капель целая река составляется, из людей – армия. А такая капля, как вот эта, – говорит и по плечу меня хлопает, – десяти других стоит.

– И вы, Дмитрий Кириллыч, значит, его еще одобряете, не прочь даже с собой взять?

– С удовольствием возьму. Вопрос только в том, чем ему там быть. В рядовые такого латиниста сунуть жалко, хотя латынь на войне ему и не к чему; а сдать экзамен на юнкера по другим предметам, по совести говоря, сможете ли вы, Андрей Серапионыч?

Покраснел я, замялся.

– В науках, – говорю, – я, правду сказать, никогда силен не был...

– А по уходе из бурсы и последнее, я чай, позабыл? – досказал за меня Аристарх Петрович. – Как же быть-то?

– Один выход, по-моему, – говорит Шмелев, – записаться ему добровольцем в ополчение. Покажет он себя там на деле, так потом его охотнее и в регулярное войско юнкером примут. Проэкзаменуют его больше для проформы.

– Добровольцем в ополчение? – повторил Аристарх Петрович и задумался. – А знаете ли, ведь это – идея. Я мог бы даже некоторую протекцию оказать.

За это его слово я, как утопающий за соломинку, ухватился:

– Окажите протекцию, Аристарх Петрович, будьте благодетелем! Стыдиться за меня вам не придется.

– Дело в том, – говорит, – что некогда я довольно дружен был со стариком графом Дмитриевым-Мамоновым, Александром Матвеевичем...

– Это не тот ли Мамонов, – спрашивает Шмелев, – что одно время был в таком фаворе у императрицы Екатерины?

– Он самый. Просвещеннейший из вельмож, вместе с императрицей составлял для эрмитажного театра так называемые «пословицы» – «провербы», сам тоже несколько пьес французских сочинил. А по богатству своему был настоящий Крез: в одном нижегородском местни-

честве было у него до 30-ти тысяч душ. На Александровской звезде своей имел бриллиантов на 30 тысяч рублей, а на аксельбантах – на 50 тысяч. Даже в деревне у себя в селе Дубровицах Московской губернии на сельских праздниках наряжался, бывало, в полную парадную форму, со всеми орденами, звездами и бриллиантовыми даже эполетами. Жар-птица, да и только! Ну, да и возносился же он своей знатностью над простыми смертными! Учителям детей своих, людям образованным, не позволял при себе садиться, кроме одного только почтенного старика, да еще гувернантки, мадам Ришелье, которую нарочно из Парижа для дочери выписал.

– Виноват, Аристарх Петрович, – перебил тут Шмелев. – Но ведь того Мамонова, кажется, и в живых уже нет?

– Да, помер он лет с десять назад. Но после него сын остался, Матвей Александрович, единственный потомок мужского пола и главный наследник всех его миллионов. Видел я его только мальчиком, но и тогда уже он острого был ума, большие подавал надежды. В 18 лет он был камер-юнкером, а 21-го года – обер-прокурором сената.

– Однако! Да ведь это такая должность, где требуется очень зрелый ум и громадная опытность?

– А вот, представьте себе: когда он в первый раз в сенат приехал и показали ему там резолюцию сенаторов по одному уголовному делу, то, в разрез с их приговором, он тут же набело свое собственное мнение набросал и подал обер-секретарю: «Прочтите господам сенаторам»...

– Ну, и что же?

– Прочел тот, и седовласые государственные люди хоть бы слово возразили, все до единого с мнением юного обер-прокурора согласились.

– На редкость, должно быть, светлая голова.

– Светлая, но и горячая, сумасбродная: когда полгода назад Отечественная война возгорелась, и богачи-патриоты Гагарин да Демидов свои полки ополченцев выставили, он точно так же на свой кошт целый конный полк вооружил, так и прозванный «Московский казачий Дмитриева-Мамонова полк», и сам во главе его стал с чином генерал-майора.

– Вот так так! А обер-прокурорство его что же?

– В трубу ушло. Шалый какой-то, говорю я вам.

– Да сколько же ему теперь лет?

– Двадцать два-двадцать три, не больше.

– И уже генерал! Так к нему-то вы и адресуете этого молодого человека?

– Да, могу дать письменную рекомендацию. Не знаю вот только, где-то он со своим полком ныне обретается.

– Это мы в Смоленске разузнаем, а то и в главной императорской квартире. Он верно двинулся тоже за границу. Пока бы Андрею Серапионычу только заграничный вид выправить.

– Ну, об этом я пару слов нашему губернатору черкну.

Так моя участь, можно сказать, была сразу предрешена. Полчаса спустя с письмом к губернатору в кармане, я сидел уже в санях и летел в Смоленск (дорога легкая, санная), а еще через два часа с небольшим был и на месте.

Представлял Смоленск все то же препечальное зрелище, что и при последнем моем проезде. Но и чувство горести со временем притупляется; взирал я теперь на развалины моего милого родного города более равнодушно, тем паче, что не то на уме уже было.

Первым делом, разумеется, в винный погреб за шампанским; из Питера как раз свежая партия прибыла. А там – к губернатору.

В приемной курьер:

– Вам кого?

– Губернатора: у меня письмо к нему.

– Пожалуйте к правителю канцелярии; они от себя уже доложат его превосходительству.

Провел меня к правителю. Совсем молодой еще, плюгавенький человечек, но столичный фертик в вицмундире с иголки и с осанкой петушиной. По протекции, знать, тоже посажен.

Не дослушав, головой мотнул.

– Подайте, – говорит, – прошение; гербовую бумагу можете купить у курьера. В свое время будет доложено.

– Извините, – говорю, – но долго ожидать я никак не могу: через четыре дня мне, во что бы то ни стало, надо ехать на театр войны.

Сухим тоном на то отрезал:

– До меня это не касается: при рассмотрении прошений у нас соблюдается строгая очередь.

– Так потрудитесь, – говорю, – доложить самому губернатору: у меня есть к нему рекомендательное письмо.

Ледяная кора на нем в тот же миг растаяла.

– Так бы и сказали. Ваша фамилия?

– Пруденский.

– А рекомендация чья?

– Толбухина, Аристарха Петровича, бывшего предводителя дворянства.

– Это совершенно меняет дело. Присядьте, пожалуйста. Где у вас письмо?

Взял и понес в кабинет к губернатору. Немного погодя возвратился оттуда с ответным уже письмом.

– Вот, – говорит, – ответ г-ну Толбухину.

– А в каком смысле?.. Смею спросить.

– В каком смысле?..

– Да, ведь это не канцелярская тайна; потом я все равно узнаю.

– Извольте видеть... – говорит. – Вы желаете поступить юнкером в казачий полк графа Мамонова?

– Желал бы.

– Так к самому-то Мамонову его превосходительство относится не очень-то одобрительно... Впрочем, выдать вам путевой вид до его полка препятствий нет.

– Это-то, – говорю, – мне только и нужно. Через четыре дня я буду опять здесь, в Смоленске. Так могу ли я надеяться, что вид мой к тому времени будет заготовлен?

– Всенепременно.

И руку мне даже на прощанье протянул.

«Любопытно, однако, – думаю, – что бы такое неодобрительное про Мамонова могло быть в этом письме?» И всю дорогу до Толбуховки погонял кучера.

– Ну, Андрюша, – говорит мне, письмо прочитавши, Аристарх Петрович, – неважно твое дело. Про графа Мамонова губернатор вот что мне пишет: «В боях с неприятелем Мамонов участия так и не принимал, ибо со своими ополченцами-казаками всю кампанию стоял в ярославской губернии; тем храбрее, однако ж, воевал на бумаге с тамошним губернатором, князем Михаилом Николаевичем Голицыным, а мамоновцы его своим буйством и бесчинствами прозвище мамаевцев по всей губернии заслужили».

Шмелев, бывший также при чтении сей рацеи, рассмеялся.

– На то ведь они и вольные казаки! Андрею Серапионычу лишь бы к тем мамаевцам юнкером пристроиться, а перевести его потом в другой полк будет уже моя забота: в главном штабе у меня есть близкие люди.

– Коли так, – говорит Аристарх Петрович, – то возражать не стану. А как вот на счет содержания в походе? Ведь юнкерам по их рангу особого против солдат жалованья не полагается?

– Тот же солдатский паек. По одежке протягивай и ножки. Правда, что в походе кое-какие собственные средства все-таки весьма нелишни; особенно, чтобы выдвинуться перед начальством.

– Как так?

– А так, что если подчиненный в средствах не стесняется, то ему охотнее и всякие ответственные поручения дают, а стало быть, и случаев отличиться ему больше представляется. Казаки же – кавалеристы; казаку нужен и конь, а то и второй запасный, на случай, что первого под ним убьют.

– А такому кавалерийскому коню цена ведь не малая: рублей сто, а то и больше?

– И двести, и пятьсот рублей.

– Та-а-к... – протянул Аристарх Петрович и, нахмурясь, по кабинету зашагал.

Сердце в груди у меня упало: прощай мое юнкерство!

Вспомнилось мне тут слово евангельское: «Толцые – и отверзется, просите – и дастся». Но Толбухины и так уже сколько для маменьки и для меня, недостойного, сделали. Не могу я еще униженно просить, не могу!

Как ни крепился, а на глазах мокрота выступила. Аристарх же Петрович, мимо меня шагая, ту мокроту узрел – улыбнулся.

– Воину, – говорит, – падать духом не полагается. Мамонов для отечества целый полк выставил; так мне одного хоть воина выставить сам Бог велит. Я тебя не оставлю; отправляйся в поход с Богом.

От радостного волнения я и поблагодарить, как надлежало, слов не нашел, схватил только его руку и к устам прижал.

Глава третья

«Певец во стане русских воинов». – Кошелек «на черный день» и тайное обручение. – Самозванный юнкер

* * *

Января 10. Свадьба сыграна. Церковь была убрана по хорам цветами из оранжереи, а по стенам зелеными елочками. Гостей из соседних поместий понаехало с полсотню. Дружками были тоже два местных дворянчика, юнкер Сагайдачный да я. Фрак одолжил мне Аристарх Петрович, так как сам облекся в свой парадный предводительский мундир. Но ростом я его на полголовы выше, а телом вдвое жиже, и сидел на мне его фрак как на пугале огородном. Подойти к Ирише Елеонской в моем смехотворном наряде я и думать не смел. А Сагайдачный за обедом уселся с нею рядом и болтал, должно быть, всякий вздор, ибо она прыскала со смеху. Меня, признаться, даже досада взяла... Речей за столом было, конечно, без конца. Но Сагайдачный, надо честь отдать, всех превзошел: наизусть Жуковского «Певца во стане русских воинов» от начала до конца с истинным пафосом произнес, всех присутствующих огнем своим зажег. Когда же здравицу за государя императора возгласил:

Тебе сей кубок, Русский Царь!
Цветет твоя держава;
Священный трон твой – наш алтарь,
Пред ним обет наш: слава,

то единодушное «ура!» по столовой прокатилось.

Перед сном, с юнкером прощаясь, я список этих стихов себе выпросил. Воспеваются в них и фельдмаршал, «герой под сединами», и два его сподвижника, коих я лично уже знаю: партизан Денис Давыдов, «пламенный боец, певец вина, любви и славы» и атаман донского войска граф Платов... Про него даже три чудесных куплета:

Хвала наш вихорь-атаман,
Вождь невредимых, Платов!
Твой очарованный аркан –
Гроза для супостатов.

Орлом шумишь по облакам,
По полю волком рыщешь,
Летаешь страхом в тыл врагам,
Бедой им в уши свищешь.

Они лишь к лесу – ожил лес,
Деревья сыплют стрелы;
Они лишь к мосту – мост исчез,
Лишь к селам – пышут селы.

Я-то, правда, вряд ли жег бы села, хотя бы в них и враги засели; но для настоящих воинов война войной; «а ля герр ком а ля герр», говорят ведь сами французы.

* * *

Января 11. Последний день в Толбуховке. Завтра на рассвете – в путь-дорогу. У маменьки сколько дней уже глаза на мокром месте. И самому мне куда горько за нее... да и за Иришу! Слово сказано. Вышло все так неожиданно-негаданно...

Вызывает меня к себе Аристарх Петрович.

– Без своей лошади коли не обойдешься, – говорит, – то заведи себе, но, смотри, подешевле. Вот тебе на все про все триста рублей. Будешь бережлив, так на весь поход хватит. А от морозов тебе и твоим двум спутникам будет по тулупу.

Стал я благодарить, – окончить не дал:

– Вернешься благополучно, да с честью, тогда и благодари. Что Дмитрий Кириллыч скажет – то и делай: дурному тебя он не научит. А вот с этим Сагайдачным не дружись: хохол, себе на уме; как раз обойдет. Ну, ступай, собирай свои пожитки. Да во что ты их уложишь?

– Маменька, – говорю, – мешок мне сшила...

– Мешок прорвется, да и не гош для мужчины. Возьми мой старый чемоданчик. Потерт он, да еще крепок, послужит. Не забудь, смотри, и к о. Матвею сходить, благословение на дальний путь получить.

Забуть-то я и так не забыл бы. Самого я не застал: ушел по своим духовным требам. Матушка-попадья сперва тоже ко мне не вышла: по хозяйству, должно быть, захлопоталась. Встретила меня одна Ириша.

– Пришел, – говорю, – проститься перед отъездом. А она, всегда столь бойкая, испуганно, как зайчик, глазки на меня выпучила.

– Да вы разве сейчас?..

– Нет, завтра, но чуть свет; не поспел бы. Заморгала, а на щеках красные пятна выступили.

– Вы, Ирина Матвеевна, – говорю, – не здоровы?

– Здорова... Но у меня к вам, Андрей Серапионыч, просьба...

– Приказывайте. Охотно все исполню.

– Вот возьмите... Сама для вас связала...

И подает мне прехорошенький бисерный кошелек.

– Позвольте, – говорю, – да ведь тут и деньги?

– Да, сорок пять рублей... все золотом: для удобства вашего нарочно разменяла...

– Так что-нибудь за границей купить для вас?

– Нет, это вам самим, Андрей Серапионыч, на черный день...

Точно нищему подаяние! А трогательно: верно все, что за век свой скопила.

– Чувствительно благодарен, – говорю. – Но Аристарх Петрович дал уже мне на дорогу...

– Нет, нет, пожалуйста! Когда станете офицером, можете возратить.

– Хорошо. Денег ваших я не трону и возвращу вам их в целости, как только вернусь из похода: кошелек же ваш оставлю себе талисманом на память.

– А от вас самих, Андрей Серапионыч, я ничего на память не получу?.. Ах, знаю!

И из другой комнаты ножницы принесла.

– Наклоните голову.

Наклонился я; она – чик-чик – и прядь волос у меня отрезала.

– Из этого, – говорит, – я себе колечко сплету...

– Так вашего собственного колечка с бирюзой вам уже не надо?

– Блеснула своими звездочками и колечко с пальца сняла.

– Непотеряйте только...

Так-то мы с нею, якобы, обручились, ни словом о том не обмолвись. Тут вошел ее родитель, и разговор наш сам собой пресекался.

* * *

Смоленск, января 12. Прощай, Толбуховка! Прощай, Ириша! Когда-то еще свидимся? И хоть бы проститься напоследок с глазу на глаз дали! А то при других только руку друг другу пожали, как простые знакомые: «Здравствуйте и прощайте».

С маменькой расставанье было, разумеется, самое слезное. А после нее сердечнее других Мушерон со мной прощался.

– Вы, Андре, мне все равно что родной, – говорит. – Скажите-ка: что у вашего императора Александра замышлено? Далеко ли он пойдет на Запад?

– Раньше, – говорю, – не остановится, доколе Наполеона в конец не одолеет.

– Хотя бы пришлось идти до самого Парижа?

– Хотя бы и до Парижа.

Мой бравый сержант столь скорбную мину соорил, что вот-вот, думаю, тоже расхнычется. И сердит-то он еще по-прежнему на своего бывшего кумира, и жалость за него немалая берет.

– Как Богу угодно, так пускай и будет! – говорит. – Коли уж суждено вам, друг мой, побывать у нас в Париже, так загляните к моей сестре, поклонитесь ей от брата Этьена Мушерона. Дневник ведь вы будете опять вести?

– Буду.

А нынче, на рассвете, когда мы со Шмелевым и Сагайдачным в сани садились, старик меня крепко-крепко к груди прижал и вправду заплакал. Ну, тут и я не выдержал...

Сюда прибывши, отправился за своим видом в губернаторскую канцелярию; мои два спутника на всякий случай тоже со мною.

Правителя канцелярии на месте не застали. Но у входа в губернаторский кабинет курьер навтыяжку, и самая дверь настезь, а за дверью гневный голос кого-то распекает:

– Так, сударь мой, служить нельзя! Сколько раз повторять вам, что приказания мои должны быть исполняемы буквально, понимаете: буквально! Усердную службу я не оставляю без внимания, но за малейшее уклонение от моих указаний я строго взыскиваю, невзирая ни на тетушек, ни на дядюшек. Так и знайте!

Умолк, и вслед затем оттуда выскочил правитель канцелярии – не гордым уже петухом, а мокрой курицей. Увидел нас около своего стола – еще пуще оторопел, назад оглянулся: притворил ли курьер дверь к грозному начальнику. Подошел и обращается к Шмелеву, а у самого голос еще дрожит-обрывается:

– Чем могу служить?

Объяснил ему Шмелев. Взглянул тот на меня – узнал.

– Г-н Пруденский? В полк к графу Дмитриеву-Мамонову? Вид вам изготовлен. Извольте получить.

Подает мне. Читаю.

– Простите, – говорю, – но тут у вас не то.

– Как не то?

– Вы назвали меня юнкером полка Мамонова...

– Ну да. Ведь сами же вы говорили? Да и в письме г-на Толбухина было так сказано...

Где ж оно?

Все еще не оправясь от губернаторской распеканции, он растерянно начал рыться в грудке бумаг на столе.

– Да, вот. Изволите видеть...

Он стал было читать, но, не дочитав, запнулся.

– М-да... Так вы, значит, еще не юнкер?

– То-то, что нет, а только рассчитываю им сделаться.

– В письме не совсем ясно... Для вас-то это ведь все равно? Лишь бы добраться до полка.

Тут вступился опять Шмелев.

– Далеко не все равно, – говорит, – в документах требуется совершенная точность. Будьте же любезны переделать бумагу.

Раскрасневшееся лицо правителя разом, как смерть, побледнело.

– Переделать?.. Нет, уж извините меня, это невозможно, решительно невозможно...

– Почему же нет?

– Да потому... потому что, раз подпись его превосходительства стоит внизу, то о какой-либо переделке и речи быть не может.

– Да ведь тут явная ошибка: подписал он вовсе не то, что следовало. Я пойду объяснюсь с ним самим.

До последней минуты молодой чиновник еще крепился. Но намерение Шмелева объясниться с самим губернатором окончательно его обескуражило.

– Ах, господа! – взмолился он. – Войдите же в мое положение! Его превосходительство не признает, чтобы он мог ошибаться... Если он узнает об ошибке, то все обрушится на меня...

– И вы, чего доброго, еще места лишитесь? – досказал Сагайдачный.

– Все может статься... Г-н Пруденский! У вас есть еще родители?

– Матушка еще жива.

– Так здоровьем вашей матушки прошу вас: не настаивайте!

В голосе его слышались уже слезы. В своем самоуничижении он был теперь так жалок...

– Да что, Дмитрий Кириллыч, – говорю я, – ведь может быть, в самом деле, и так сойдет?

– Как не сойти? Сойдет! – поддакнул Сагайдачный. А правитель тому и рад:

– Разумеется, – говорит, – сойдет! Ведь юнкером у графа Мамонова вы, г-н Пруденский, во всяком случае, сделаетесь...

– Как ваше мнение, Дмитрий Кириллыч? – спрашиваю я Шмелева.

Правитель, молитвенно сложив руки, взор свой на него умильно, как на некоего оракула, возвел. И сердце Дмитрия Кириллыча не устояло.

– Мамонов, сколько слышно, тоже не формалист, – говорит, – и ошибку, надо думать, в фальшь не поставит.

Правитель просиял и готов был, кажется, его расцеловать.

– Так вы, г-н Пруденский, значит, удовольствуетесь этим видом? Как я вам признателен!

И обеими руками так крепко мне руку стиснул, что пальцы у меня хрустнули; на прощанье прибавил:

– Позвольте дать вам добрый совет: никогда не умничайте перед начальством, а прикидывайтесь дурачком, чтобы оно могло наставлять вас и сознавать свое превосходство.

– Примем к сведению и намотаем себе на ус, – сказал Сагайдачный и закурил свой усик – мышинный хвост. – Держи язык за зубами, да ешь пирог с грибами.

Но Шмелев отнесся к «доброму совету» иначе. Когда мы вышли на улицу, он заметил:

– Недоумкам, как этот правитель, вернее всего, конечно, молчать. Человек же с умом и тактом, если знает что-нибудь лучше начальника, сумеет всегда переубедить его, не задевая его самолюбия.

Глава четвертая

Схватка с волками. – Александр I в Вильне. – Как встречали русских в Пруссии и как в герцогстве Варшавском. – Начало военных действий

* * *

Вильна, января 19. Шмелев и Сагайдачный уже в объятиях Морфея; но я дневник свой дорожным приключением заполнить еще должен.

Уж как мы трое Аристарха Петровича за его овчинные тулупы добром поминали! Ведь морозы, легко сказать, до 30? доходят! А войскам-то нашим в шинелях, ветром подбитых, каково было пешком десятки и сотни верст отсчитывать? Но они, как-никак, все же одеты, обуты, сыты, да и к русским морозам сызмала при-обыкли. Ну, а французы, что в отрешьях этим же путем восвояси убирались, – чего-чего те не натерпелись! И согреться им по пути негде и нечем было: все селения кругом ими же ведь еще при нашествии к нам сожжены, разорены, одни трубы черными остовами над снегом торчат. Дорога от самого Смоленска – одно поле сражения: непогребенные тела неприятельские – десятки тысяч тел, сраженных, однако ж, не пулей и саблей, а холодом и голодом. Возмездие небесное!

Хоть и немало их совсем снегом занесло, а все же, где они кучей лежат, там верхние вороном исклеваны, волками обгрызены. При одном виде такой картины мороз по коже подирает!

Вот с этим зверем и мы третьего дня познакомились. Ехали мы на тройке с колокольчиком и бубенцами. Сани широкие: рядом все трое уместились. Шмелевский денщик Прытков у ямщика на облучке примостился. Дело было уже к вечеру. Выезжаем только что из лесу на открытую поляну, глядь – у самой у опушки волк нас поджидает, да ведь какой! Матерый, не волк – волчище! Звонки наши, знать, из чащи его выманили: на дорогу поглядеть вышел, живым мяском нельзя ли поживиться.

– Страсть как обнаглел ноне зверь, – говорит ямщик. – На одинокого мужичка, да еще пьяненького, навверняка напал бы. Ишь, зубами ляскает! Да, брат, близко локоть, да не укусишь.

– Стой, ямщик! – говорит Сагайдачный. – Припугну-ка я его.

Выскочил из саней и с саблей наголо дерзновенно на зверя. А тот хоть бы что, стоит себе на месте и ждет. Только глаза, что две свечки, горят, да шерсть на загривке ошетичилась.

Размахнулся на него сплеча мой юнкер, а волк скок в сторону, – мимо! Юнкер опять на него, вдругорядь размахнулся, а волк – за куст.

– Эй, назад, господин! – кричит ямщик. – Вон к нему подмога идет.

И точно, из чащи целая стая волчья выступает; Сагайдачный же, от неудачи раззадоренный, ничего уж не слышит, со своей саблей все на передового товарища их напирает.

– Да они его растерзают! – говорит Шмелев. – Где моя сабля? Ты Прытков, куда ее сунул?

– Под сиденье, в сено, ваше благородие, – говорит денщик. – Неравно еще под ноги бы вам попала.

– Позвольте, Дмитрий Кириллыч, – говорю я, – вам ее сейчас достану.

– Где уж...

Выхватил из-за пояса пистолет и бегом на помощь к приятелю. А волки того уже окружили; он саблей от них, знай, только отбивается.

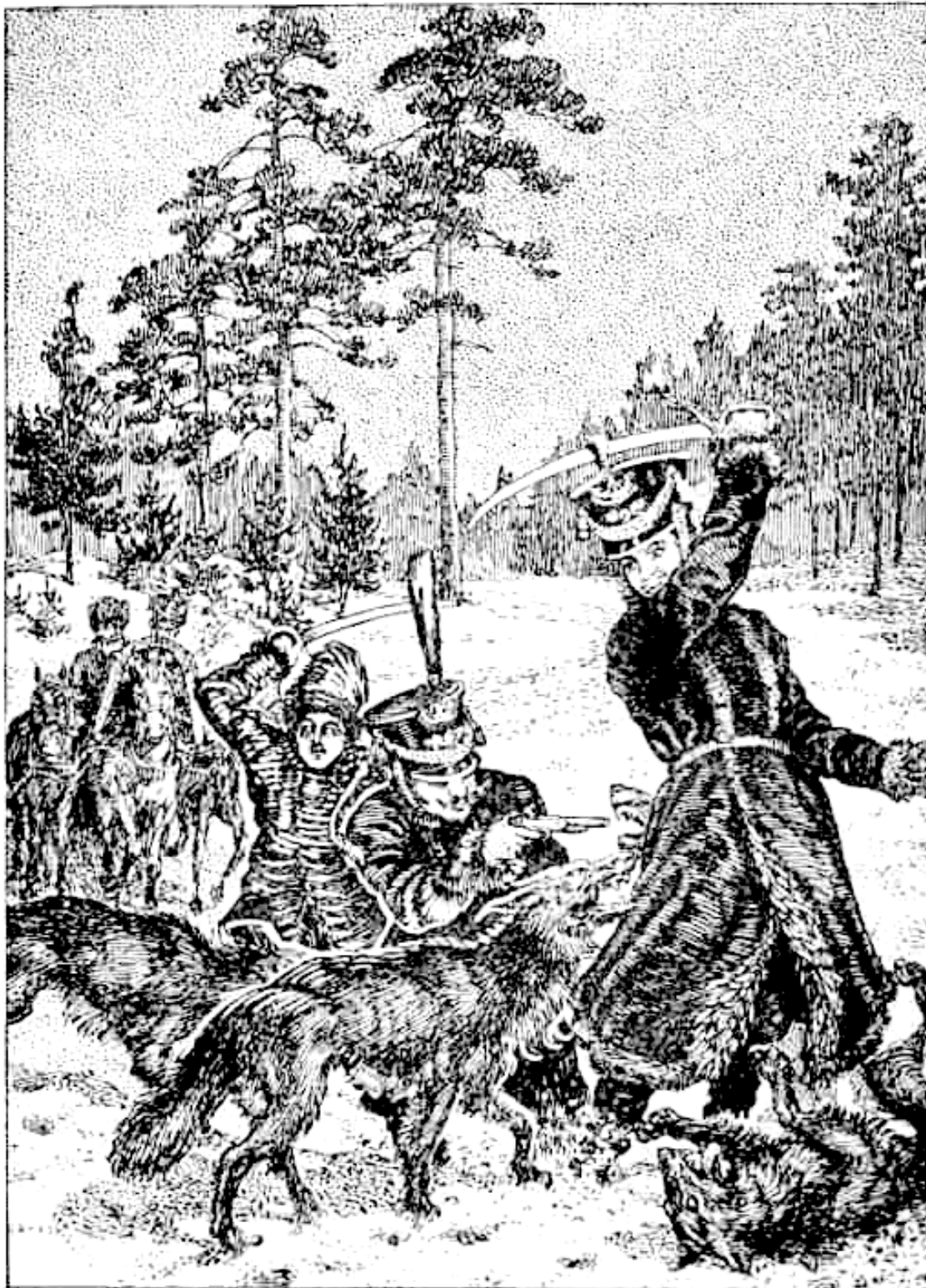
Подбежал Шмелев и первому же волку, что на него обернулся, заряд в отверзшую пасть – бац! – на месте положил.

Прочие, выстрелом ошарашенные, назад отпрянули. Но из пасти убитого кровь ручьем хлынула, и вид крови зверскую алчность в них еще пуще возбудил, на своего же товарища накинулись – голод утолить.

Тем временем я шмелевскую саблю в сене нашарил, обнажил и – туда же. На выстрел приятеля Сагайдачный невольно оглянулся, да вдруг как завопит: волк-чудище зубами в руку ему вцепился. Но тут я подоспел, со всего маху волка саблей по затылку хватил, и повалился он замертво.

– Ну, теперь назад, господа, – говорит Шмелев.

Отступали мы с оглядкой, да волкам было уже не до нас: на павшего в бою атамана своего набросились всей стаей. Так-то мы невозбранно до саней своих опять добрались.

Схватка с волками

– Пошел, ямщик!

До станции десять верст в полчаса отмахали. От волчьих зубов кисть руки Сагайдачного здорово распухла, и кровь долго не унималась. Но он по-прежнему уж храбрится, шутит:

– Почин дороже денег, – говорит, – ради опыта уже кровь свою проливал.

А Шмелев:

– И благородно, – говорит, – ретировались. Января 20. Вильна с виду – город преизрядный; пожарного бедствия он избежал, но от проходивших войск неприятельских, а потом и наших, жители немало-таки пострадали. Нажились одни еврей-факторы, от которых тут отбоя нет.

Все, однако, и евреи, и поляки, и хозяин гостиницы из немцев, в один голос государем не нахвалятся. Пробыл он здесь со своим штабом две недели, и каждодневно по госпиталям ходил, где раненые в заразной горячке лежали, больных утешал и умирающих; а в городе всех обнищавших деньгами оделял, в том числе и французов, что по улицам за подаванием бродили. Однажды к нему такой француз руку протянул:

– Хлеба, г-н офицер! С голоду помираю.

Не узнал того, с кем говорит. А государь по-французски же:

– Идите за мной.

Провел его до своей царской кухни.

– Повар, – говорит, – поймет вас. Скажите ему, что брат великого князя Константина накормить вас велел.

Тут только, на кухне, узнал француз, кто был тот брат великого князя.

Выехал государь из Вильны в первый день Рождества тотчас после обедни и почти без всякой свиты.

– И как это вы государя без конвоя пускаете? – говорят фельдмаршалу Кутузову.

А Кутузов:

– Да у кого на этого ангела рука подыметя?

* * *

Пруссия, г. Лик, января 22. Вот мы и за границей! Первый городок пограничный. Мал золотник, да дорог: домики все чистенькие, в розовый цвет, в голубой либо желтый окрашены; крыши черепичные прочные. На улицах такая же чистота и порядок; всяк по делу своему идет; ни ругани, ни пьяных. Точно на другую планету попали.

Еще в Вильне нам говорили, что пруссаки нам добрые друзья. И вправду, как только мы здесь на постоялый двор въехали, от бургомистра приглашение – сделать ему честь. Из себя видный, поперек себя толще; но принял нас весьма благосклонно, пенистого пива подать нам велел, трубки кнастером набил и дифирамб русским пропел. Сам-то я ничего почти не уразумел, да и Шмелев больше глазами хлопал. Но юнкер наш в немецкой Петришуле в Петербурге воспитание получил, по-немецки бойко болтает, и после нам всю его речь от слова до слова передал.

Так мы узнали, что при въезде нашего государя в Лик, 7 января, триумфальные ему ворота воздвигнуты были, жители стар и мал за ним, да и за всеми русскими, толпой устремились с криками: «ура!» и «виват!», а вечером большую иллюминацию зажгли.

Только досказал бургомистр свое слово, как его сын-студент вихрем ворвался – на макушке трехцветная шапочка, по жилету такая же ленточка, а через всю щеку красный шрам – и каждому из нас руку потряс.

Теперь, – говорит, – когда ваш Витгенштейн Берлин освобождать идет, а император Александр и Кутузов с главной вашей армией с запада напирают, – вся Пруссия тоже, как один человек, против Наполеона восстанет. Генерал Йорк еще ведь в декабре месяце с вами перемирие заключил, а генерал Макдональд к вам прямо уже примкнул...

– И все с ведома и с согласия вашего короля? – спрашивает Сагайдачный.

– Не иначе. Наш Фридрих Вильгельм III ждет не дождется, как бы сбросить иго проклятого корсиканца. Обещался уже Кутузову выставить от себя 50 тысяч войска. А пойдем мы, бурши, и все, кто оружие носить может, так будет нас не 50, а 500 тысяч!

– Так вот вас, желтоклювов, и пустят, – говорит отец (у немцев «желтоклюв», «гельбш-набель», то же, что у нас «молокосос»). Тебя первого я не пушу: за место того, чтобы смиренно сидеть на скамейке, да лекции слушать, домой, вишь, прискакал и других юнцов еще подбивает.

– Да кому, отец, теперь до лекций? Не одни студенты, – и профессора с нами на войну собираются. Да и сам же ты, отец, признайся, будь ты лет на десять моложе, тоже ведь пошел бы с нами.

Улыбнулся на то отец и трубкой отмахнулся.

– Вот и толкуй с ним! – говорит. – Знает, за какую жилку отца тронуть. Вон какой рубец на щеке; на рапирах с товарищами бился. А с какими еще рубцами с войны воротится!

– Хоть бы и калеккой воротился, – говорит сын, – или голову сложил, – что вперед загадывать? Никого чаша смертная не минует. Ведь вот русские, чужой нам народ, идут же за нас кровь проливать; так ужели нам, немцам, для родины собой не жертвовать?

И глаза юноши при сем мужественно блистали, а красный шрам на щеке еще ярче разгорелся, но лица его не безобразил, а напротив, большую еще красоту ему придавал.

* * *

Иоганнисбург, января 24. Здесь тоже, что и в Лике: от души ли, по политическим ли резонам, но принимают, угощают на славу, как родных. Императору же нашему при проезде 11 числа, был, говорят, небывалый прием. От самой заставы до царской квартиры, по обе стороны дороги выстроившись, прусские инвалиды ружьями всякие воинские артикулы проделывали и неумолчно «виват!» кричали. Когда же государь с лошади сошел, две молодые девицы с венками подошли и на главу ему возложили. Вечером перед царской квартирой транспарант запылал: «Александр Великому избавителю Европы», и народ от восторга так возликовал, что государю пришлось у окошка показаться. Но тут пошли уж такие крики, что начальник главного штаба, князь Волконский, вынужден был вниз сойти и попросить крикунов по домам разойтись.

Отсюда Главная армия двинулась в герцогство Варшавское, куда за сим и нам путь лежит.

* * *

Плоцк, января 27. Слава Тебе, Господи, наконец-то в Главной армии! Все квартиры в городе и предместьях заняты нашими войсками. Прибыли мы вчера уже в сумерках, и не добились бы пристанища, не выручи нас знакомый Шмелеву по корпусу поручик Хомутов. Состоит он в царской свите по квартирмейстерской части и водворил нас в дом к одному польскому семейству. Волей-неволей пустили нас к себе, но с косыми взглядами исподлобья.

– Поляки не то что немцы, – говорил Хомутов. – Одного с нами племени, но потому-то и исконные враги наши; все равно что волки и собаки. Наполеон для них до сих пор полубог. При вторжении его в Россию первым через Неман переплыл ведь Понятовский. Ну, а теперь им приходится считаться с нами, и нам с ними; насильно мил не будешь.

Справлялся я в штабе, не стоит ли здесь, в Плоцке, со своим конным полком и граф Дмитриев-Мамонов.

– Нет, – говорят. – Бог его ведает, где этот сорвиголова шатается. Должен был перейти границу у Гумбинена, но перешел ли – никаких сведений не имеется. Идет себе, видно, вперед без оглядки на свой страх.

– Так как же, – говорю, – мне-то быть?

– Да вид у вас какой-нибудь есть?

– Есть...

– Так и оставайтесь пока у нас. Куда же вам деться, коли местонахождение вашего полка неизвестно?

Надо бы было мне заявить, что вид у меня не от полка, а от губернатора и неправильный, да язык не повернулся: чего доброго, в Россию опять по этапу воротили бы!

* * *

Января 28. Варшава 26 числа без выстрела сдалась, и занимавшие ее австрийцы, союзники Наполеона, мирно отступают. На торжественном по сему случаю молебствии я видел государя и преславного нашего фельдмаршала. Государь был светлорадостен, Кутузов же за три месяца много осунулся и вид имеет удрученный. От непрестанных переходов и трудов, для старца непосильных, одряхлел, да вдобавок которую неделю уже недомогает. Укрепи его, Боже, поддержи его силы, доколе подвига своего не довершит!

* * *

Января 30. Шмелев к своему полку отбыл, а Хомутов заготавливать квартиры в г. Калиш укатил, куда и армия вскоре тронется. Сагайдачному тоже не до меня: как племянник Разумовского, начальником главного штаба князем Волконским в ординарцы к себе взят и, как ловкий малый, со свитскими офицерами уже за панибрата. Ну, а меня терпят, как его, яко бы, доброго приятеля.

* * *

На бивак, февраля 6. Пятый день в пути, но с ночевками.

Весна уже в полном разгаре: солнце сильно греет, снег в два дня с полей сошел, деревья зазеленели, но дороги анафемские, грязь непролазная. Легкие коляски штабных угряют по ступицу, а нагруженные доверху обозы армии на целые версты застревают. На возах корзины с курами, гусями и индюшками, связанные бараны и телята, не то у польских панов купленные, не то самовольно забранные... Военная добыча! У пруссаков и в деревнях изобилие и довольство, а у здешних крестьян ни фуража, ни провианта. У своих панов они и раньше-то в вечном загоне были; а после прохода «великой армии» в Россию и обратно в конец обнищали. При приближении наших войск к деревне все с женами и работниками до «лясу» разбегаются. Так, чтобы чем-нибудь хоть прокормить лошадей, армии ничего иного не остается, как старую солому с крыш снимать; а сами люди впроголодь перебиваются.

Из всего населения одни лишь евреи встречают государя перед своими местечками с раболепием и почетом: в праздничных одеяниях ветхозаветного покроя выносят на дорогу свои священные ковчеги и хоругви с вензелями царскими, в барабаны бьют и в кимвалы, трубят в трубы иерихонские. За постой, однако ж, и за продовольствие сдирают с нас хоть и не кожу, то злотых немалую толику.

* * *

Калиш, февраля 13. Дотащились! В кадетском корпусе, единственном здешнем хорошем здании, государь остановился со свитой и штабом. Мы, мелкота, ютимся по плохеньким обывательским квартиркам. У польских магнатов в пригородных усадьбах имеются, правда, великолепные «палацы», но ни один из сих поклонников Наполеона носу к нам не кажет, дабы не принимать у себя «москалей». Для прогулок, однако ж, есть здесь городской сад, тенистые бульвары; а за городом раздолье – не нагуляться.

Что до военных действий, то Позен, сборный пункт беглых французов, взят нашими войсками еще 1-го числа. На той неделе барон Винценгероде разбил саксонцев; причем (добавил на словах от себя курьер, известие сие привезший) особенно казаки Давыдова отличились. Сам Винценгероде о сем в донесении умалчивает, ибо нашего славного партизана за неумеренное удальство не терпит. А мне лишь бы, право, в лихой отряд Дениса Васильевича попасть!

В Пруссии граф Витгенштейн со своей Северной армией вытеснил уже гарнизоны французские из Кенигсберга, Мариенбурга, Мариенвердера. Держится еще Данциг, держатся в тылу у нас Торн и Модлин, но блокируются и вскоре тоже, надо думать, сдадутся. По плану Кутузова Главной нашей армии должно было отсюда идти за р. Одер. Да вот прусский король все еще колеблется, не может решиться открыто войну Наполеону объявить; а посему и мы покуда бездействуем.

* * *

Февраля 16. Оборонительный и наступательный союз с берлинским двором заключен и подписан. По оному мы, русские, не ранее оружие положим, доколе Пруссия не будет опять в том же положении, что и до войны 1806 года. Передовые наши отряды уже за Одером и движутся на Дрезден. На днях в Бреславле должно состояться личное свидание государя с королем Фридрихом-Вильгельмом.

* * *

Февраля 17. С уполномоченным прусского короля, славным генералом Шарнгорстом, ведутся переговоры о том, кому быть главнокомандующим союзных армий: нашей и прусской. Шарнгорст находит, что главным вождем приличествует быть русскому, так как прусское войско служит нашему лишь вспомогательным. Для окончательного же решения сего вопроса запрашивается мнение других военачальников прусских.

* * *

Февраля 21. Получены ответы от прусских генералов, в том числе и от главнокомандующего, знаменитого Блюхера, что они за честь сочтут быть в подчинении у светлейшего князя Кутузова.

Шведский король высылает также целый корпус под начальством своего наследного принца Бернадота в помощь пруссакам. Каково-то теперь на душе у Наполеона?

* * *

Февраля 29. 27 числа наша Северная армия вступила в Берлин. Сагайдачный достал в штабе выписку из донесения о том Витгенштейна, и я ее дословно переписываю:

«Дружеский прием жителей был неописанный. Принц Генрих, окруженный генералами, выехал ко мне навстречу за четыре версты от заставы, и все сие пространство было покрыто несчетным множеством всякого звания людей. В самом городе кровли, заборы и окна домов были наполнены зрителями, и в продолжение нашего шествия из ста тысяч уст раздавались восклицания: „Да здравствует Александр, наш избавитель!“ На всех лицах видны были чувствования живейшей радости. Никакая кисть не в состоянии выразить сего восхитительного зрелища; недоставало только присутствия нашего Августейшего Монарха».

Глава пятая

Как партизан Давыдов Дрезден брал

* * *

Калиш, марта 2. Вчера Сагайдачный пил со мною «брудершафт» на «ты», а сегодня влетает ко мне вестником богов Меркурием.

– Ну, брудер, собирайся-ка в путь-дорогу!

– Куда? – говорю.

– Да к кому тебя сердце твое всего больше влекло? К Давыдову?

– К нему и к Платову. Но...

– Без всяких «но»! Тебя командируют к Давыдову от главного штаба. Получена жалоба на него от корпусного командира...

– Барона Винценгероде?

– Ну да. Зазнался, дескать, партизан: на 30-м году жизни полковник; славолюбие, как вино, в голову ударило. Никакой субординации признавать не хочет. Предостеречь бы его частной запиской в третьем лице. Но с кем ее послать?.. «А пошлите, – говорю, – с Пруденским; в отряде у Давыдова он уже в прошлом году служил. Хоть и значится он юнкером Мамоновского полка, да где теперь тот полк? А Давыдов его охотно к себе примет». Потолковали они, потолковали; сами рады, кажется, с тобой развязаться. Ступай же, брат, в канцелярию и – гайда!

* * *

Саксония, дер. Бернсдорф, по пути к Дрездену, марта 7. Не даром говорится, что язык до Киева доведет. По-немецки я, разумеется, ни в зуб толкнуть. Но наши передовые отряды уже все пространство от Одера до Эльбы наводнили, и так-то от одного отряда до другого я с моим русским языком до передовых партий к самому Давыдову добрался.

Узнал меня Денис Васильевич с первого взгляда.

– А, Пруденский! Каким тебя ветром принесло? Начал я было объяснять. Он только краем уха слушал и перебил меня:

– Ну, братец, после как-нибудь доскажешь. С флигель-адъютантом Орловым у нас сейчас торги идут: кому куда, чтобы маршала Даву в Дрездене кольцом заключить. Говори же коротко: ко мне, что ль, опять просишься?

– Пламенное желание мое... – говорю. – Числюсь я юнкером в казачьем полку графа Дмитриева-Мамонова...

– Ну, и у меня будешь тем же юнкером. Ступай же к нашим молодцам, объявись. И они тебя, чай, еще не забыли. Запасный конь у них для тебя найдется...

– Но у меня, – говорю, – к вам, Денис Васильич, из главного штаба еще частная записка. Насупился.

– Частная? Что значит «частная»?

– А так, яко бы негласный совет по поводу ваших отношений к барону Винценгероде...

– Давай сюда!

Выхватил у меня из рук, стал читать.

– Черт знает, что такое! – воскликнул и – раз, два – записку в клочки.

Я с перепугу бросился подбирать с полу: а он:

– Оставь! Частный совет, так и частный привет. Есть у меня, слава Богу, и свой прямой начальник, генерал Ланской, отстоит он меня; а тут нашлись еще непрошенные советчики штабные... Дался им этот Винценгероде! Дослужился ведь в своем Гессен-Касселе до майора; ну, и сидел бы у себя, в немецине, на насиженном месте. Ан нет, к нам, в русскую армию, напросился. Получил полковника и убрался подобиру-здорову: к врагам нашим, австрийцам, перекочевал. Да и там, знать, не ко двору пришелся: снова к нам, в матушку Россию, и ведь с генеральским уже чином. После Аустерлица вторично к австрийцам перебрался. А в прошлом году в третий раз к нам, да еще чином выше – генерал-лейтенантом. От австрийцев одному только и научился: «Иммер лянгсам форан! Иммер лянгсам форан!» – «потихонечку да полегонечку», а то и раком вспять... И такой-то горе-богатырь нашим авангардом командует! Эх-эх! Ну, да мы с Орловым свою линию ведем...

И вправду ведь, час спустя «своя линия» у них обозначилась: Орлов со своей партией идет обходом к Эльбе и, перейдя оную, с того берега к Дрездену подступит, а Давыдов – прямым путем. Ротмистр Чеченский с 150-ю казаками ныне же к самому Дрездену выступает для рекогносцировки, а мы завтра на рассвете.

В Дрезденском форшкадте, марта 8. Вот так денек! Еще на походе ранним утром со стороны Дрездена до нас гул донесся как бы от оружейного залпа, и опять все стихло.

– Знать, что-нибудь да взорвало, – говорит Давыдов. – Но кто взорвал: неприятель или наши?

В ближайшей деревне у немцев узнали, что французы еще накануне госпитали свои и военные запасы с правого берега Эльбы на левый в Старый город перевели, а саперы их под мостом, как кроты, рылись.

– Вот и взорвали мост порохом, разбойники! – вздыхают немцы. – А ведь мост-то какой капитальный был: на каменных сводах!

– Эге-ге! – говорит Денис Васильевич. – Так Новый-то город, что на нашем берегу, они уже покинули... Аль попытаться?.. Ведь Дрезден – вторая после Берлина столица немецкая. Однако без благословения Панского не обойтись; а он благословит: моя слава – и его слава.

И к генералу Ланскому в Бауцен курьер полетел. С нетерпением с часа на час ожидаем его возвращения. И вот он назад летит. Офицеры, да и я с ними, окружили Давыдова; а он прочитал ответ и говорит:

– Слушайте, господа: «Разрешаю вам попытку на Дрезден. Ступайте с Богом».

– Ура! – в один голос все мы гаркнули.

Тут скачет и казак от ротмистра Чеченского с рапортом, что у ворот Дрездена его перекрестный огонь встретил из палисадов. Как-де быть?

Денис Васильевич в ответ:

«Держись крепко. Спеши к тебе со всей партией».

На полпути к Дрездену новый рапорт: бургомистр просит пощадить город. Чеченский же потребовал, чтобы всех французов на ту сторону Эльбы спровадили, иначе никому и ничему в городе пощады не будет. Тогда бургомистр попросил дать ему хоть два часа сроку.

– Какого страху-то казаки наши на них нагнали! – говорит Давыдов. – А ведь всего-навсе их у Чеченского полторы сотни... Правда, есть у него и урон: четверо ранено, а хорунжий Ромоданов насмерть... Вечная ему память! И нам ее тоже, быть может, скоро споют. Ну, да теперь, не загадывая, на рысях вперед!

В верстах трех-четырех от Дрездена третий рапорт: комендант одумался, одним казакам сдать город никак не может. Иное дело, кабы при них была еще пехота...

– Черта с два! Да где ее взять-то? – говорит Давыдов. – Надо огорошить их нашим несметным будто бы полчищем. У страха глаза велики. Займем биваками форштадты, а на высотах в разных местах костры разведем.

И вот мы в форштадтах, а на горах кругом бивачные огни горят-пылают.

* * *

Марта 9. Среди ночи гром из ясного неба! От Ланского новый приказ:

«Любезный мой полковник! Невзирая на позволение, мною вам данное, я принужденным нахожусь изменить ваше направление вследствие повеления, сейчас полученного от корпусного командира...»

Разбудил всех Денис Васильевич сам не свой:

– Отбой, господа! Партизану завладеть вражеской столицей не по чину; честь эта должна принадлежать корпусному командиру барону Винценгероде. Нам велят отойти к Мейсену...

– Помилуйте, Денис Васильевич! – взмолился ротмистр Чеченский. – Из-за чего добрый товарищ мой, Ромоданов, жизнью поплатился, четверо нижних чинов из строя у меня выбыло?.. Нас было всего полтора человека, а у вас ведь целых пять сотен. Неужели нам, в самом деле, теперь убраться вон, когда город нам уже сдать готов?

– И думать нечего, – говорит Денис Васильевич. – Раз город будет в наших руках, то никакой Винценгероде лавров у нас уже не отнимет. Медведю только бы железное кольцо сквозь ноздрю продеть, а там мы его уже под нашу дудку плясать заставим. Утром вы, Лёвенштерн, отправитесь в Дрезден парламентаром, скажете, что я сам прибыл с конницей и пехотой, и что если немедленно не сдадут нам город, мы будем его штурмовать.

Штабс-капитан Лёвенштерн, из русских немцев, – тот самый, которого еще накануне Чеченский посылал к бургомистру для переговоров.

И вот, собравшись по утру в город, Лёвенштерн вернулся с ответом, что французский генерал Дюрют просит в Старый город к нему уполномоченного штаб-офицера прислать. Выбрал Денис Васильевич для сего подполковника Храповицкого; для пущей важности еще свои собственные премногие регалии ему навесил.

При переправе на лодке через Эльбу в Старый город Храповицкому платком глаза завязали, потом за руку на квартиру Дюрюта повели. Переговоры, однако, затянулись. Храповицкий не соглашался на некоторые пункты Дюрюта, а тот на некоторые Храповицкого. Два раза уполномоченный наш возвращался к Давыдову за инструкциями. Так Дюрют с негодованием отказывался внести в письменный договор требование Давыдова, чтобы французские солдаты русским честь отдавали. Сошлись, наконец, на том, что предложено это будет французам на словах.

Только теперь, к вечеру, все кончилось благоус-пешно: договор Дюрютом и Давыдовым подписан.

– Наша взяла! – говорит Денис Васильевич и руки потирает. – Завтра же занимаем половину Дрездена. Дело сделано чисто, комар носу не подточит. «Что будет, то будет, а будет то, что Бог даст», говорил еще гетман Богдан Хмельницкий.

* * *

Дрезден, Новый город, марта 10. Сегодняшний день для дорогого нашего Дениса Васильевича, можно сказать, зенит жизни, равного коему у него не было, да едва ль когда и будет.

Еще ни свет, ни заря, а вся наша партия была уже на ногах, чтобы убрать коней и самим почиститься, принарядиться для приличного въезда в город. И у Дениса Васильевича на сей раз его черная, как смоль, курчавая, окладистая борода, оказии ради, была тщательно расчесана; сам он щеголял в новом черном чекмене, в красных шароварах и в таковой же шапке набекрень, на боку – черкесская шашка, на шее – Владимирский крест, Анна с алмазами и

прусский орден «пур ле мерит», а в петлице – Егорий Храбрый. В таком-то образе он принял перед городской стеной, в 10 часов утра, явившуюся к нему на поклон депутацию от чиновников и граждан. Когда же этот бородач-казак в ответ на их приветствие заговорил с ними на чистейшем французском языке, они рты разинули, уши развесили. Да и было с чего: вместо ожидаемых угроз, он, дикий казак, объяснил им, просвещенным немцам, что отныне, благодаря великодушию монарха российского, для Германии заря светлого будущего занимается, и что они, саксонцы, могут почитать себя особенно счастливыми, так как первые из немцев избавляются от позорного ига французов.

Расшаркались депутаты и откланялись.

– На коней!

И, окруженный офицерской свитой, он въезжает беспрепятственно в укрепленную столицу Саксонии, на аргамаке своем избоченясь, подлинным триумфатором по сторонам поглядывает. А следом конвой – Ахтырские гусары, за гусарами – песельники 1-го Бугского казачьего полка, за песельниками – самый полк, далее – Донской Попова 13-го полк и, наконец, Донской же Мелентьева полк, накануне присланный к нам на подмогу генералом Орловым.

Денис Давыдов въезжает в Дрезден

В воротах стоит под ружьем французский гарнизон, бьет в барабан и делает на караул. Лихой командир наш в ответ приподнимает шапку. Подполковник Храповицкий наклоняется к нему и говорит что-то. Денис Васильевич кивает головой, задерживает коня и знаком подзывает к себе гарнизонного капитана. Тот подходит и отдает честь.

– Если не ошибаюсь, г-н капитан, – говорит Давыдов, – вы адъютант генерала Дюрюта и были его уполномоченным?

– Точно так: первый его адъютант, капитан Франк.

– Весьма приятно. Не откажите же отзавтракать со мною. Эй, песельники!

И песельники залихватски заливаются:

– «Растоскуйся, моя сударушка!»

С голубых небес солнце самые яркие лучи свои ниспосылает, а по обеим сторонам улицы народ толпится и единодушно нас приветствует:

– Ура, Александр! Ура, Россия!

И шапки вверх, а из окон дамы платками машут. Хотя я и последняя спица в триумфальной колеснице Давыдова, но и у меня от гордости грудь ширится, вздымается.

И вспомнился мне таковой же въезд в родной мой Смоленск Наполеоновых дружин. Вступали они тоже победителями с барабанным боем и трубами; но народ уныло сторонился, про себя их проклиная. Здесь же всеобщий восторг не побежденных, а освобожденных. Кабы видеть меня в этом победоносном шествии могла моя Ириша!

Расположились мы биваком по главной улице; сам же Денис Васильевич на отведенной ему квартире принимает именитых граждан. Попытка его блестяще удалась, и лавров у него никакой Винценгероде вырвать уже не может!

* * *

Марта 11. С Дюрютом заключено перемирие на 48 часов с предварением, что с часу на час ожидается прибытие сорока тысяч, дабы он без выстрела очистил и Старый город; Ланскому же донесение послано о занятии Нового города с просьбою – до истечения перемирия артиллерию и пехоту прислать.

* * *

Марта 12. В бочку меда ложка дегтю: от Ланского поздравление Давыдову, но с упреком за самовольное перемирие с неприятелем. «Заключить таковое, мол, не имел бы право ни я, ни сам барон Винценгероде, коему посланы мною ваш рапорт и копия с капитуляции».

Такова шаткость человеческих умозаключений!

* * *

Марта 13. Увы! Увы! Все прахом пошло.

Винценгероде, получив в Бауцене рапорт нашего славного партизана, взбеленился, взял в тот же час почтовых лошадей, мчался день и ночь, и нынче вот под утро пожаловал к нам в Дрезден собственной персоной. Денис Васильевич оказался бедным Макаром: все шишки на него повалились.

– Да как вы, сударь, посмели вообще подойти к Дрездену, когда вам приказано было идти на Мейсен? Как вы посмели входить от себя в переговоры с неприятелем, когда сие законом строжайше воспрещено? Как вы посмели заключить с ним перемирие, когда сам Блюхер делать того не вправе? Сие последнее есть государственное преступление, примерного наказания достойное. Сдайте вашу команду подполковнику Прен-делю, а сами извольте отправиться в главную квартиру. Там, может статься, будут к вам снисходительнее; у меня в военном деле нет снисхождения. Прощайте!

Руки даже не подал и повернулся спиной. Вышел от него Денис Васильевич, как ошпаренный, с поникшей головой.

– Ну, господа, – говорит нам, – прощаюсь с вами. Моя карьера кончена...

– Как? Что?

– Да так и так... Барон Винценгероде по-своему, да и по военным правилам, совершенно прав. По свойственной молодости удали и отваге я не в меру занесся, ну, и несу теперь заслуженную кару. Накрошил, так выхлебывай. Но всего горше мне все же расставанье с вами. Ведь от самого Бородина до вступления сюда, в Дрезден, я делил с вами голод и холод, радости и горе, труды и опасности. Черствый хлеб на биваке, запах жженого пороха и кровавая купель сближает людей между собой. И вот меня насильно разлучают с вами! Но расстаюсь я не с подчиненными, а с сыновьями и друзьями: в каждом гусаре я оставляю сына, в каждом казаке друга. Всю жизнь свою я не перестану вспоминать чудесные события, освятившие наше братство. Не поминайте же и вы меня лихом...

И он, удалый отчаянный партизан, заплакал! У всех у нас, разумеется, также слезы взор застлали. Пошли объятия, поцелуи, всякие пожелания и обещания. Когда же он затем пошел прощаться со своими нижними чинами, всех их равномерно слеза прошибла.

...Только что занес я в дневник вышеописанное, сижу в раздумье: как-то еще без Дениса Васильевича моя собственная судьба повернется? – как вдруг за мной его денщик.

– Ваше благородие! Полковник мой прислал за вами.

Обо мне, мелкой сошке, напоследок еще вспомнил!

– Что прикажете, Денис Васильич?

– А вот что, голубчик. Что на счет меня порешат в императорской квартире – одному Богу известно. Сюда-то я вряд ли вернусь. Так вот, скажи-ка мне: сжился ли ты уже в партии настолько, чтобы остаться, – тебя, как волонтера, насильно задержать не могут, – или же охотней со мной поедешь?

– С вами, Денис Васильич! Куда вы, туда и я.

– Так я и думал. В дороге мне компаньоном будешь, да и прокатишься даром.

– А как, Денис Васильич, – говорю, – быть с этой моей казачьей амуницией? Одолжил мне ее Никитин, когда был тяжело ранен...

– Да ведь вчера он, бедняга, помер?

– Помер, и завтра его хоронят.

– Упокой Господь его душу в селениях праведных! В новом чекмене какой ему уж прок?

А тебе он на сем свете еще весьма пригодится.

Тут опять денщик:

– Ваше высокородие! Немцы вас спрашивают. Была то депутация от магистрата. Поднесла ему благодарственный лист за дисциплину в его партии, не токмо не грабившей жителей, а поддерживавшей в городе примерный порядок.

Почтовая коляска была уже подана, когда от генерала Орлова нарочный прискакал с вестью о благополучной переправе его на левый берег Эльбы.

– Колесо Фортуны! – Денис Васильевич воскликнул. – Еще бы несколько часов – и Старый Дрезден был бы тоже наш. А теперь кому-то достанется лакомая эта добыча?!

Отер глаза и вскочил в коляску.

– Едем, Пруденский. Пошел! Форвертс!

Пишу сии строки на ночлеге в неведомой деревушке по пути в главную квартиру. С непоколебимостью уповаю на правосудие и сердечную доброту государя императора, который неужерное молодечество в тяжкую виду бравому партизану не поставит.

* * *

Калиш марта 20. Благодарение и хвала Создателю во Святой Троице! Мой Денис Васильевич помилован, а с ним и меня не забыли.

Первым делом толкнулся он здесь, разумеется, к главному вершителю штабных дел, князю Волконскому. Выслушал тот и говорит:

– Будьте благонадежны, полковник: вы повели себя героем; сам Винценгероде того не отрицает. А геройство и фельдмаршал, и государь высоко ценят.

Доложил он обо всем Кутузову, а тот государю.

– Победителей не судят, – сказал государь. Затем светлейший вызвал к себе нашего героя и обласкал.

– Мы вас, – говорит, – не выдадим; все устроится к лучшему. Дайте нам только время. Попали вы к нам в самую неудобную минуту: прибыли из Питера дорогие гости: две княжны Волконские, да моя племянница; и князю Петру Михайловичу, и мне, старику, голову вскрыжили. А завтра, в добавок, пожалует еще из Бреславля король Фридрих-Вильгельм с ответным визитом. Надо показать ему нашу гвардию во всей красе. Уж потерпите, родной.

Обо мне, однако, Денис Васильевич Волконскому тоже словечко закинуть успел: малый-де разбитной и надежный; знает и по-французски.

– А по-немецки?

– По-немецки одно слово: «Форвертс!» Засмеялся:

– Это главное: вперед все, вперед! Определенных занятий для вашего протеже покуда у нас не найдется; но для спешных поручений этакие «медхен фюр аллее» всегда полезны.

– Так вы, князь, его причислите к штабу?

– Причислим. Сейчас велю внести в приказ. Итак у меня в главной квартире уже почва под ногами...

* * *

Марта 21. Ну вот! Русскому партизану не дали взять Дрезден, а подоспел Блюхер и взял! Нынче, с прибытием сюда короля Фридриха-Вильгельма, в прославление сего подвига прусских войск торжественное молебствие с пушечными выстрелами. Денис Васильевич мой совсем нос повесил.

Кого жаль еще – это Кутузова. К параду гвардия наша, заново обмундированная, явила себя в полном блеске. А он, фельдмаршал, от дряхлости не имел даже сил на коня сесть и высокого гостя приветствовал перед фронтом стоя...

* * *

Марта 24. Три дня пробыл здесь король прусский. Как водится, рауты, балы, банкеты. Все кругом веселится, радостью сияет, точно войны и не бывало. Названный брат мой, Сеня Сагайдачный как сыр в масле катается, то там, то тут приткнется. У меня же, как в сказке, все по усам течет, ничего в рот не попадает; а бедный Денис Васильевич как потерянный по улицам бродит. Когда-то опять об нем вспомнят?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.